

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Армия – лучшее, что у нас есть

Сограждане представляют наше государство как пирамиду. В ее основании институции, которые считаются почти не заслуживающими доверия – например, политические партии, общественные организации. Повыше – суды, прокуратура и полиция, парламент, местные и региональные власти. Еще повыше – СМИ и церковь. А вершину образует троица: армия, президент и органы госбезопасности. Речь, конечно, об отношении не к реальным объектам, а к образам соответствующих социальных субъектов, присутствующим в массовом сознании, – мы ведь обсуждаем символические сущности. Изучать их – наша работа (хотя в Минюсте думают иначе и потому назвали «Левада-центр» иностранным агентом¹), а у массового

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

сознания вообще нет другого содержания, кроме как воображенные определенным образом элементы окружающего мира – с оценками и значениями, которые им приданы. Но от этих оценок и значений зависит, как люди будут вести себя в реальной жизни – например, когда будут голосовать на выборах или референдуме.

Пирамида главных авторитетов говорит о том, что в нашем обществе – в его толще и на верхах – господствует представление, что сила, силовое, военное – это главное. Результаты замера, проведенного в конце 2021 года, показывают, что первое место по уровню доверия занимает армия (61%), второе – президент (53%), третье – ФСБ (45%) и четвертое – церковь (40%).

В нашей культуре сохранилось представление, что армия – это мужское. Среди мужчин о полном доверии армии заявили 66%, тогда как среди женщин – 57%. Госбезопасность – тоже более мужское дело, чем женское, среди мужчин ей доверяют 48%, среди женщин 43%. Зато женщины более мужчин доверяют церкви и президенту.

Многое говорит об устройстве нашего общества сравнение ответов наиболее богатых и наиболее бедных респондентов. Среди богатых доверие армии выразили 66%, среди бедных – 55%. Президент вызывает полное доверие у 58% богатых и лишь у 43% бедных. Доверие ФСБ у богатых на пять процентных пунктов выше среднего (50% при среднем 45%), а у бедных – на восемь процентных пунктов ниже (37%). И церкви богатые верят более среднего, а бедные – менее.

Самое серьезное различие в уровнях доверия этим институтам обнаруживается у респондентов, выделяемых не по объективным (социально-демографическим) признакам, а по их ответам на другие ключевые вопросы.

Первый вопрос, который интервьюер задает респонденту, выясняет его общую установку: «Считаете ли вы, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или вам кажется, что страна движется по неверному пути?». В конце 2021 года 48% одобряли курс, против него высказывались 44%. Люди, довольные тем, как идут дела, особо активно выражают доверие президенту (83%), а заодно – армии (77%), органам (65%) и церкви (57%). У тех же, кто считает путь неверным, иерархия полностью перевернута. У них президент на первом месте по уровню полного недоверия (41%, полного доверия в два раза меньше – 19%). Здесь и органам госбезопасности, и церкви не доверяют существенно чаще, чем доверяют. Но армия и у них остается «в плюсе»: ей доверяют 46%, не доверяют вдвое меньше – 23%. Получается, что армия – институт, которому и эти, в целом разочарованные, люди твердо готовы доверять.

Если бы Россией правил пусть не генералиссимус, но хоть маршал, такая вера в армию была бы понятна. Но сейчас во главе страны стоит чекист, однако спецслужбы не пользуются таким доверием, как армия. Да, сами чекисты считают себя ни много ни мало спасителями России: «падающая в бездну, постсоветское общество уцепилось за... “чекистский” крюк»². Авторитет

2 Черкесов В. *Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев* // Коммерсант. 2007. 9 октября (www.kommersant.ru/doc/812840). Интересно, что автор этих слов (в тот момент глава Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков), выступающий против раздора в чекистской среде, далее говорит, что внутри спецслужб существуют два представления о себе: как о «силе, которая выводит страну на новые открытые горизонты», и как о «системе, обеспечивающей через закрытость какой-то вариант социальной стабилизации». Похоже, что сторонники первого варианта, если там и были, то проиграла сторонникам второго.

спецслужб в широких массах не мал – ведь, по словам Достоевского (высканым Инквизитором), умами лучше всего правят «чудо, тайна и авторитет». Тайная полиция в наш секулярный век более, чем какой-либо другой институт, эксплуатирует именно эти туманные материи, окутывающие и маскирующие вполне грубую и жесткую силу.

И президент – выходец из спецслужб – использует этот ресурс «тайны», предоставляя им взамен свой ресурс «авторитета». С самого начала правления Путина россияне были уверены, что он опирается на спецслужбы и выражает в первую очередь их интересы: с 2000-го и до 2020 года этот ответ («выражает интересы силовиков, работников спецслужб, МВД») твердо занимал первое место среди ответов респондентов. Только в 2020-м с ним практически сравнялось мнение, что Путин выражает интересы «олигархов». Третьим по популярности является ответ, что он выражает интересы «госчиновников, бюрократии». В то же время полагают, что президент выражает интересы «простых людей» 16% опрошенных, а «всех без исключения» – 9%³. При этом одобряют деятельность Путина на своем посту 63%, а наибольшее доверие (что бы ни скрывалось за этим словом) россияне выражают армии, считая ее роль почти столь же значительной, что и роль главы государства.

Роль армии как инструмента внешней политики советского, а затем и российского государства всегда была значительной. Ее хорошо иллюстрирует мемориал «Черный тюльпан», посвященный памяти советских и российских десантников, сооруженный в 1992–1995 годах

в Екатеринбурге. Его каменные плиты с именами погибших несут также серию лаконичных надписей. В каждой страна/регион и годы (не все из них удалось зафиксировать)⁴:

Китай 1924–1927 1937–1944 1945
1946–194... 1950; Испания 1936–1939;
Хасан 1938; Финляндия 1939–19...;
Халхин-гол 1939; Япония 1945; Северная
Корея 1950–1958; Венгрия 1956; Лаос
1963 1964–1968 1969–1970; Вьетнам
1961–1974; Алжир 1962–1964; Египет
1962–1963 1967–1972 1973–1974 1974–
1975; Куба 1962–1989; Йемен 1962–1963
1967–1969; Сирия 1967–1970 1972–1973
1982; Мозамбик 1967–1969 1975–1979;
Эфиопия 1977–1979; Ливан 1982; Бан-
гладеш 1972–1973; Ангола 1975–1979;
Чехословакия 1968; Камбоджа 1970;
Афганистан 1979–1989; Азербайджан
1990–1995; Грузия 1991–1995; Осетия
1992–1995; Ингушетия 1992–1995;
Югославия 1993–1995; Армения 1992–
1995; Абхазия 1993–1995; Таджикистан
1993–1995; Чечня 1994–1995.

Далеко не все эти операции перечислены в школьных учебниках истории и потому не всегда известны широкой общественности. Все помнят Афган и Чечню – но в этих войнах армия в глазах населения не покрыла себя славой (хотя в последнее время намечается тенденция к более позитивному отношению). В грузинской операции по «принуждению к миру» 2008 года была одержана победа⁵, но память о ней, судя по опросам, сохранялась не более трех лет. Так что доверие к армии строится не на этом.

Данные опросов позволяют заключить, что главную роль в нынешнем

3 См.: *Общественное мнение – 2020*. М.: Левада-центр, 2021. С. 77.

4 См.: <http://sdrvdv.ru/news/v-ekaterinburge-otkryli-obnovlyonnyj-memorialnyj-kompleks-chyornyj-tyulpan/>.

5 Как считается, грузинскую армию тренировали и вооружали американцы, и в этом смысле мы опосредованно победили не грузин, а главного соперника.

возвышении армии в глазах населения сыграло присоединение Крыма. Так, в начале путинского правления вооруженные силы по играемой ими роли занимали седьмое место из семнадцати возможных, а после крымской кампании взяли второе место по уровню доверия, сразу после президента⁶.

Напомним, что, хотя присоединение Крыма официоз теперь представляет чисто гражданским/политическим событием, результатом референдума, в напряженные дни весны 2014 года все, кто следил за происходящим, понимали, что результат достигнут хотя и без кровопролития, но с помощью военной силы. До поры участие российских вооруженных сил в этой операции отрицалось – впрочем, в формах, которые позволяли желающим догадываться об истинной картине. Когда же присоединение состоялось, их участие было признано авторитетными инстанциями.

Важно отметить, что в праздничном возбуждении эту операцию называли «освобождением Крыма», ставя ее тем самым в ряд с победами Красной армии в конце Отечественной войны. Да и приравнивание этой операции к Великой Победе было нередким. Как уже не раз приходилось отмечать, главную роль сыграл тот факт, что Россия совершила данный акт в соответствии с тем, что было сочтено ее собственными интересами, в нарушение международных норм и воли ведущих мировых держав. Таким поведением, полагали россияне, наша страна вернула себе позиции великой державы (каковой стал Советский Союз после победы в 1945-м).

Ельцин передал Путину страну, две трети взрослого населения которой не считали ее великой державой. Через десять лет мнения о том, является ли

Россия великой державой или нет, разделились практически поровну. Но вот состоялось присоединение Крыма, и теперь великой державой ее считают две трети опрошенных. Еще больше россиян уверовало в это, пребывая в своего рода моральной блокаде в послекрымские годы.

Ниша, в которую привело Россию путинское правление, безусловно, обладает рядом достоинств и для правящей элиты, и для значительных масс населения. Для строящих внешнюю политику открываются не используемые большинством других стран ресурсы риска и угроз пойти на шаги, которые другим кажутся немислимыми. Во внутренней политике риск войны как наихудшего бедствия позволяет глушить недовольство от снижения благосостояния. Что касается собственно массового сознания, то конструкции «мы правы, все остальные нет», «весь мир против нас», эти атрибуты ситуации «осажденной крепости», дают временный комфорт не только правящим кругам, но и тем, кем правят.

Таким был период «крымской эйфории», он же период массивированной эксплуатации Победы с подтекстом «Можем повторить!». Но хроническое противопоставление себя всем остальным требует напряжения. От него устают, оно начинает слабеть. Опросы показали, что россияне при первой возможности готовы оставить (на время) антиамериканские, антизападные настроения, то есть в очередной раз включить режим «разрядки». Очевидно, готовы на это и многие «наверху». Но, во-первых, видимо, не все, а во-вторых, и те, кто готов, хотели бы сделать это в обмен на существенные геополитические уступки со стороны Запада.

6 Отвечая на вопрос о доверии, респондент говорит о собственном отношении, а при ответе на вопрос о роли он(-а) говорит о мнениях других. Это вносит нюансные различия в иерархию обсуждаемых образов.

Сталин после войны окружил СССР буферной зоной стран, насильно сделанных дружественными. В путинский период, чем дальше, тем больше казалось, что торжествует политика противоположного рода: иметь вокруг России кольцо врагов. Правда, врагов, столь же слабых, сколь слабыми были друзья – «страны народной демократии». У жизни в этом кольце были свои преимущества: при таких слабых врагах не нужна и сильная армия. Но, вероятно, президент или те, кто дает ему советы, в какой-то момент стали задумываться о будущем не только власти в России, но и России в мире. Поскольку они воспитаны в убеждениях, что и меж людьми, и меж государствами правит сила, было решено влить в военный бюджет такие ресурсы, что возмутился – себе на беду – даже спокойный министр финансов. Влили. Вкупе с проведенной все-таки (штатским министром) военной реформой эти усилия дали результат. Российскую армию и настоящие про-

тивники стали считать сильной. В этом наша власть увидела возможность новой политики: настоящих противников стали заирать, требовать от них уступок исторического характера – чтобы отступили на шаг, чтобы дали нам вернуться к наполовину сталинской концепции и пояс недружественных стран дали превратить хотя бы в нейтральные.

В собственную волю народов этих стран у нас не верят: они «пешки» – либо наши, либо наших противников. А если эти народы свою волю и проявляют, то это считают кознями и подрывной работой «внешних сил». Не верили в собственную волю украинцев, грузин. Совсем не могут поверить в волю белорусов, теперь казахов – ведь это были наши лучшие друзья. Не верят – и потому отвечать на проявления этой воли готовы только военной силой. На память десантникам могут добавиться новые надписи.

А народ все равно будет думать, что армия – это лучшее, что у нас есть.